

ИЗМЕНЕНИЯ НОРМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СВЕТЕ ПРОВОДИМЫХ РЕФОРМ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Лилия Геннадьевна Лифанова, канд. юрид. наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Ставропольский филиал ФГКОУ ВО «Краснодарский университет
МВД России», Ставрополь, Россия;
laliy@mail.ru

Денис Валентинович Теткин, канд. юрид. наук, доцент,
полковник полиции, кафедра уголовного процесса,
Рязанский филиал ФГКОУ ВО «Московский университет
МВД России имени В. Я. Кикотя», Рязань, Россия;
tyotkinden@mail.ru

Современное уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации находится в состоянии постоянной трансформации, обусловленной глубокими социальными, экономическими и политическими изменениями как внутри страны, так и на международной арене. Ускоряющаяся цифровизация общества, рост сложности преступных проявлений – особенно в сфере киберпреступности и экономических правонарушений, а также новые вызовы, связанные с геополитической нестабильностью и военными конфликтами, требуют адекватного правового реагирования. В этих условиях реформирование Уголовно-процессуального кодекса РФ выступает не просто как техническая задача, а как стратегическая необходимость, направленная на обеспечение справедливости, эффективности и гуманизма уголовного судопроизводства.

Проведен анализ ключевых направлений и конкретных изменений, внесенных в уголовно-процессуальное законодательство, с акцентом на их цели, правовые последствия и соответствие современным вызовам. Особое внимание уделяется эволюции общих принципов уголовного судопроизводства, модернизации мер процессуального принуждения, расширению прав участников уголовно-процессуальных отношений.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; уголовно-правовая политика; принцип уголовного процесса; меры принуждения; цифровизация уголовного процесса.

Введение

Реформы уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации представляют собой важный элемент адаптации отечественной правовой системы к новым социальным, экономическим и политическим реалиям. Современная практика требует постоянного обновления нормативных актов, позволяющего эффективно реагировать на возникающие угрозы и обеспечивать баланс между интересами государства и правами граждан.

Изменения, вносимые в УПК РФ, направлены: на оптимизацию организации уголовного судопроизводства на стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства; повышение результативности деятельности судебных органов; обеспечение доступности правосудия; усовершенствование правовых процедур; обеспечение законности, обоснованности и справедливости, принимаемых властными субъектами уголовно-процессуальных отношений решений.

Реформы обусловлены столкновением нескольких векторов: технологического прогресса, необходимости оптимизации, давления международного права и острой потребности государства в сильном правоохранительном аппарате для решения конкретных правовых и политических задач. Последний вектор в последние годы стал явно доминирующим, определяя общее направление изменений.

Основная часть

Объективная необходимость реформирования уголовно-процессуального законодательства обусловлена рядом причин, главными из которых являются социальные трансформации, экономические и политические факторы.

К первым следует отнести изменение структуры преступности (рост киберпреступлений, мошенничества и других видов противоправной деятельности, связанных с использованием современных технологий [6]), увеличение числа участников процесса, не обладающих специальным уголовно-процессуальным статусом, повышение требований граждан к прозрачности и доступности правосудия.

Среди экономических причин, обуславливающих потребность совершенствования нормативного регулирования уголовно-процессуальной деятельности, следует выделить: увеличение количества преступлений, связанных с финансовыми потоками, коррупцией и легализацией доходов; необходимость снижения затрат на проведение следственных действий и судебных разбирательств за счет внедрения электронного документооборота и других цифровых технологий; применение новых технологий в процессе раскрытия и расследования преступлений (использование искусственного интеллекта [7, 8] и биометрических технологий); внедрение систем видеоконференцсвязи (ВКС), электронных подписей и единой информационной системы для хранения данных; появление новых видов доказательств, таких как цифровые данные.

Политические факторы заключаются в изменении геополитической ситуации в стране и мире и необходимости обеспечения независимости судебной власти, а также защиты прав граждан в условиях политической нестабильности.

Основные направления и тенденции совершенствования уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации отражают комплексный подход к модернизации системы уголовного судопроизводства [5]. Они реализованы посредством принятия более 350 федеральных законов и около 40 постановлений Конституционного Суда РФ,

содержащих изменения и дополнения отдельных норм и институтов УПК РФ [3].

Важным шагом в гармонизации российского законодательства с международными стандартами правосудия стало внесение изменений в главу 2 УПК РФ, регулиующую общие принципы уголовного судопроизводства.

Включение в 2010 году в УПК РФ ст. 6.1, закрепляющей принцип разумного срока уголовного судопроизводства, стало прямым следствием правовых позиций Европейского суда по правам человека, который констатировал системные нарушения данного права в российской практике. Цель нововведения – повышение справедливости и эффективности процесса, а также защита интересов его участников. Законодатель установил, что продолжительность производства должна оцениваться как разумная с учетом конкретных обстоятельств: сложности дела, нагрузки на суд, поведения сторон и иных объективных факторов. Позднее, в 2013 году, Уголовно-процессуальный кодекс РФ был дополнен ст. 8.1 о независимости судей. Это нововведение стало ответом на необходимость усиления гарантий независимости судебной власти, что является ключевым условием справедливого правосудия. Принцип независимости судей отражает конституционные гарантии, закрепленные в ст. 120 Конституции РФ, и международные стандарты, такие как Базельские принципы независимости судебных органов¹. Согласно данному принципу судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону, любое вмешательство в деятельность судей недопустимо и влечет установленную законом ответственность.

Взаимосвязь обозначенных принципов проявляется в том, что независимость судей позволяет им принимать решения своевременно, без давления или искусственного затягивания процесса, оба принципа направлены на обеспечение справедливости и соблюдение прав участников процесса, включая право на быстрое рассмотрение дела. Включение этих принципов в УПК РФ способствовало приведению российского законодательства в соответствие с международными требованиями, в частности с положениями Европейской конвенции о защите прав человека².

Заметим, что в настоящее время в связи с прекращением членства Российской Федерации в Совете Европы, Конвенция о защите прав чело-

¹ Базельские принципы независимости судебных органов (Основные принципы независимости судебных органов (приняты седьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Милан (Италия), 26 августа – 6 сентября 1985 г., одобрены резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г. № 40/32 и от 13 декабря 1985 г. № 40/146)) // Гарант: справочно-правовая система (дата обращения: 18.01.2026).

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заклучена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) (вместе с Протоколом [№ 1] (Подписан в г. Париже 20.03.1952), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), Протоколом № 7 (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)). – URL : <https://sudact.ru/law/konventsiiia-o-zashchite-prav-cheloveka-i-osnovnykh/> (дата обращения: 18.01.2026).

века и основных свобод отнесена к числу международных договоров, которые прекратили действие в отношении Российской Федерации³.

В 2016 году в УПК РФ введен экстерриториальный принцип производства по уголовному делу, что расширило действие уголовно-процессуального закона в пространстве и уточнило его применение в отношении иностранных граждан. Изменения были закреплены в ч. 3 ст. 2 и ч. 1.1 ст. 3 УПК РФ. Суть обозначенного дополнения в том, что отдельные процессуальные действия за пределами территории Российской Федерации могут проводиться в соответствии с УПК РФ. Экстерриториальный принцип позволяет привлекать к ответственности лиц, совершивших преступления за пределами России, обеспечивает сотрудничество с правоохранительными органами других государств, дает возможность учитывать глобализацию преступности, особенно в сфере киберпреступлений и экономических преступлений.

Статья 5 УПК РФ, содержащая перечень основных понятий, используемых в уголовном судопроизводстве, была дополнена рядом новых определений. Эти изменения направлены на уточнение терминологии и обеспечение более четкого правового регулирования процессуальных действий. Добавленные понятия охватывают различные аспекты уголовного процесса, от организационных вопросов до технологических нововведений [3].

Совершенствование системы участников уголовного судопроизводства ознаменовано появлением в гл. 6 УПК РФ ст. 40.1 «Начальник подразделения дознания» (2007 г.) и ст. 40.2 «Начальник органа дознания» (2015 г.), в которых определено их процессуальное положение.

В 2009 году, после включения в УПК РФ главы 40.1, регламентирующей порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, в уголовном процессе появилась новая процессуальная фигура – лицо, уголовное дело в отношении которого было выделено в отдельное производство. С 2018 года указанные отношения урегулированы специальной нормой – статьей 56.1 УПК РФ.

В то же время следует заметить, что уголовно-процессуальные отношения могут возникать с привлечением субъектов, чей процессуальный статус до настоящего времени не урегулирован: пострадавший, не признанный в установленном законом порядке в качестве потерпевшего; лицо, от которого отбирается объяснение в стадии доследственной проверки; лица, привлекаемые к участию в следственных действиях в качестве статистов при предъявлении для опознания или следственном эксперименте; заявитель и др. [4]. Указанный нормативный пробел негативным образом сказывается на реализации прав и надлежащего исполнения обязанностей граждан и их согласия при вовлечении в сферу уголовного судопроизводства [10], и должен быть устранен посредством внесения дополнений в УПК РФ в части регламентации прав и обязанностей каждого участника уголовно-процессуальной деятельности [9].

³ О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы : Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ // СПС Консультант Плюс. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_440539/ (дата обращения: 18.01.2026).

В 2016 году в УПК РФ включена ст. 81.1, которая установила особый порядок признания предметов, документов и иных носителей информации вещественными доказательствами по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики. Это нововведение обусловлено необходимостью защиты прав предпринимателей, чья деятельность связана с использованием материальных и информационных ресурсов, которые могут быть изъяты или использованы в качестве доказательств. Согласно обозначенной норме, а также ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ, предметы, документы и иные носители информации, необходимые для осуществления предпринимательской деятельности, могут быть изъяты и впоследствии признаны вещественными доказательствами только при наличии прямого указания на их использование при совершении преступления, подтверждения их непосредственной связи с преступлением. Если изъятие таких предметов может существенно затруднить или прекратить предпринимательскую деятельность, они не признаются вещественными доказательствами, если этого можно избежать.

Кроме этого, законодатель конкретизировал сроки для принятия решения о признании предметов, документов и иных носителей информации вещественными доказательствами – не более 10 суток с момента их изъятия (с возможностью продления до 30 суток), а в случае назначения судебной экспертизы, срок вынесения постановления о признании их вещественными доказательствами не может превышать 3 суток с момента получения следователем или дознавателем заключения эксперта (ч. 2 ст. 81.1 УПК РФ). Также нормативно определен срок возвращения изъятых предметов, если вещественными доказательствами они не признаются (ч. 4 ст. 81.1 УПК РФ).

Статья 164.1, регулирующая особенности изъятия электронных носителей информации [2] и копирования данных при производстве следственных действий, включена в УПК РФ в 2018 г. Причинами появления данной нормы явились широкое распространение цифровых технологий в современной экономической деятельности и необходимость защиты конфиденциальной информации предпринимателей. Содержание данной нормы сводится к тому, что при производстве обыска, выемки или иных следственных действий запрещается изымать оригиналы электронных носителей информации (например, серверы, жесткие диски, компьютеры), если есть возможность скопировать данные либо вынесено постановление о назначении судебной экспертизы в отношении электронных носителей информации [1]. Изъятие электронных носителей информации производится на основании судебного решения (ч. 1 ст. 164.1 УПК РФ).

Продолжает развиваться, адаптируясь к современным вызовам и потребностям правоприменительной практики, система мер процессуального принуждения в уголовном процессе. Важнейшими шагами в этом направлении стали введение в 2018 году нормы о запрете определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ) и принятие в 2015 году положений о продлении сроков наложения ареста на имущество (ст. 115.1

УПК РФ). Эти изменения направлены на повышение эффективности мер процессуального принуждения, снижение зависимости от заключения под стражу и обеспечение защиты прав участников процесса.

Введение ст. 115.1 УПК РФ направлено на обеспечение сохранности имущества, которое может быть обращено в доход государства, а также предотвращение попыток скрыть или незаконно распорядиться арестованным имуществом и защиту прав третьих лиц, чьи интересы могут быть затронуты арестом. Установление четкого порядка продления срока наложения ареста на имущество обеспечивает защиту как государства, так и частных лиц: государство получает гарантии сохранности имущества, которое может быть конфисковано, а владельцы имущества получают возможность защищать свои права через суд.

В 2018 году в УПК РФ введена ст. 105.1, регулирующая применение запрета определенных действий как меры пресечения. Эта мера стала одной из альтернатив заключению под стражу и позволяет обеспечить выполнение задач уголовного судопроизводства без лишения свободы обвиняемого (подозреваемого), снизить нагрузку на пенитенциарную систему, предоставить лицу возможность продолжать нормальную жизнедеятельность при соблюдении установленных ограничений.

В 2023 году появилось новое основание для отказа в возбуждении уголовного дела или его прекращения – ч. 1 ст. 24 УПК РФ дополнена пунктом 7, согласно которому уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению в случае возмещения ущерба, причиненного нарушением законодательства о налогах и сборах, а также законодательства об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний. Введение данного основания направлено на декриминализацию деяний небольшой тяжести, связанных с налоговыми и страховыми правонарушениями, стимулирование лиц к добровольному устранению последствий правонарушений, снижение нагрузки на правоохранительные органы и суды.

Значительные изменения за последние годы претерпела ч. 2 ст. 29 УПК РФ, регулирующая объем полномочий суда, а также взаимосвязанные с ней нормы.

Так, появление новой меры уголовно-правового характера – судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) – послужило основанием для дополнения УПК РФ ст. 25.1 «Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа» и гл. 51.1 «Производство о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности» (2016 г.).

Пункт 3.1 статьи 29 УПК РФ устанавливает, что исключительным правом прекратить уголовное дело или преследование с назначением судебного штрафа обладает только суд.

В 2018 году была проведена значительная реформа производства с участием присяжных, нацеленная на расширение доступа к нему. Поправки в ст. 30 УПК РФ, регулирующие вопросы подсудности, позволили рассматривать такие дела не только в судах субъектов РФ, но и в районных судах. Ранее данное право было ограничено, поскольку суды регионального уровня, часто находящиеся в крупных административных центрах, были территориально труднодоступны для многих граждан.

Наряду с расширением подсудности, законодатель изменил и численный состав коллегий. В районных судах он был установлен в размере шести присяжных заседателей, а в судах субъектов РФ – восьми, что объясняется большей сложностью и общественной значимостью дел, отнесенных к ведению последних.

Следовательно, привлечение районных судов обеспечивает более удобную реализацию права на суд присяжных для жителей удаленных населенных пунктов. Это способствует децентрализации правосудия, укрепляет доверие к судебной системе и позволяет региональным судам сосредоточиться на рассмотрении наиболее серьезных и объемных дел.

Параллельно, с 2018 года для распределения дел между судьями начала применяться автоматизированная информационная система, призванная сделать этот процесс более объективным и открытым. Алгоритмы системы учитывают нагрузку и специализацию судей, что снижает возможность субъективного вмешательства.

Кроме того, поправки в УПК РФ затронули полномочия следователя и дознавателя, что продиктовано технологическим прогрессом и потребностью в оптимизации уголовного судопроизводства. Целью нововведений является повышение результативности следствия, гарантия участия сторон в процессуальных действиях и упрощение коммуникации. Ключевым элементом этих изменений стало активное использование ВКС, открывшее новый этап в развитии уголовно-процессуальных правоотношений.

Вместе с тем важно отметить, что специальная норма – ст. 189.1 УПК РФ, регулирующая применение данной технологии на этапе предварительного следствия, остается единственной в своем роде. Остальные положения кодекса, касающиеся порядка проведения судебных заседаний посредством ВКС, распространяются исключительно на судебное производство, включая исполнение приговоров (ст.ст. 35, 240, 241, 278.1, 293, 389.12, 389.13, 401.13), а также процедуру рассмотрения запросов иностранных государств относительно признания и исполнения решений судов о конфискации имущества, находящегося на территории Российской Федерации, полученного незаконным способом (ст. 473.4).

Проведение специальной военной операции не могло не отразиться на уголовно-правовой и уголовно-процессуальной политике государства. В 2023 году ст. 208 УПК РФ, предусматривающая основания приостановления производства по уголовному делу, дополнилась п. 3.1 «Призыв подозреваемого или обвиняемого на военную службу в период мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации либо

заклучение ими в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, а также прохождение ими военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время».

В 2024 году внесены изменения в ст. 78.1 УК РФ, которая предусматривает основания освобождения от уголовной ответственности лиц, в связи с призывом на военную службу в Вооруженные Силы в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время, в отношении которых производство по уголовному делу ранее, которое было приостановлено по ходатайству командования воинской части (учреждения). Также внесены изменения в ст. 28.2, 110, 238, 239, 253, 254 УПК РФ, которые определяют основания и порядок принятия судом решений о приостановлении производства по уголовным делам на основании ходатайства командования воинской части (учреждения), об отмене меры пресечения, а также о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении указанной категории обвиняемых (подсудимых).

В 2023 году ст. 27 УПК РФ дополнена новой ч. 2.2, согласно которой, если лицо возражает против прекращения уголовного преследования в связи с истечением срока давности и уголовное дело не передано в суд или не прекращено по иному основанию, уголовное преследование подлежит прекращению в связи с непричастностью.

Кроме того, введен прямой запрет на задержание и применение меры пресечения к лицам, в отношении обвинения которых истекли сроки давности уголовного преследования. Исключение сделано для преступлений, за которые грозит смертная казнь или пожизненное заключение.

Заключение

Анализ отдельных направлений реформирования уголовно-процессуального законодательства свидетельствует о том, что внесенные изменения и дополнения в УПК РФ затрагивают ряд принципиальных аспектов. К ним относятся: оптимизация судопроизводства за счет сокращения избыточных формальностей и ускорения процедур; повышение прозрачности и определенности процессуальных правил; более широкое внедрение современных технологических решений как на стадии расследования, так и в судебном разбирательстве; укрепление принципа равноправия сторон и гарантий защиты прав участников процесса.

Данные законодательные изменения демонстрируют сложное переплетение различных факторов. Среди них – потребность в защите прав граждан, повышение эффективности работы правоохранительных органов, внедрение цифровых технологий, а также решение текущих политических и социальных задач, которые государство определяет в качестве приори-

тетных. Поиск оптимального баланса между этими целями ведет к постоянному обновлению правового поля. Тем не менее сохраняется ряд проблем, требующих решения, включая недостаточно четкий правовой статус отдельных участников процесса и неоднозначность в применении некоторых юридических механизмов.

Список литературы

1. Андреев, А. В. Процессуальный порядок участия специалиста при изъятии и копировании информации с электронных носителей / А. В. Андреев, Д. В. Теткин // *Право: история и современность*. – 2025. – Т. 9, № 4. – С. 513–521. doi: 10.17277/pravo.2025.04.pp.513-521
2. Бобров, В. К. Электронный носитель информации в уголовном судопроизводстве: понятие и классификация / В. К. Бобров, Е. Ю. Алонцев, А. В. Андреев // *Вестник экономической безопасности*. – 2024. – № 4. – С. 25–30. doi: 10.24412/2414-3995-2024-4-25-30
3. Ендольцева, А. В. Основные тенденции развития общих положений современного уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации / А. В. Ендольцева, Н. В. Григорьева // *Вестник Уфимского юридического института МВД России*. – 2025. – № 1(107). – С. 91–98.
4. Лифанова, Л. Г. К проблеме реализации прав участников уголовного процесса в досудебном производстве / Л. Г. Лифанова // *Защита прав и свобод человека и гражданина как приоритетное направление государственной политики : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Петрозаводск, 15–16 сентября 2022 года*. – Петрозаводск, 2022. – С. 22–28.
5. Терехов, М. Ю. Актуальные проблемы развития уголовно-процессуального законодательства / М. Ю. Терехов, И. Б. Григорьев // *Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса : сборник материалов Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 14 ноября 2019 года*. – Ростов-на-Дону, 2019. – С. 241–246.
6. Теткин, Д. В. Проблематика противодействия преступлениям, совершенным путем использования технологий дипфейков / Д. В. Теткин, А. А. Пудовкин, А. В. Лихоткина // *Право: история и современность*. – 2025. – Т. 9, № 2. – С. 238–246. doi: 10.17277/pravo.2025.02.pp.238-246
7. Федорович, В. Ю. Внедрение технологий информатизации и искусственного интеллекта как перспективные направления развития современного уголовного судопроизводства / В. Ю. Федорович, О. В. Химичева, А. В. Андреев // *Вестник Московского университета МВД России*. – 2021. – № 2. – С. 205–210. doi: 10.24412/2073-0454-2021-2-205-210
8. Химичева, О. В. Некоторые замечания о принципах использования технологий искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве России / О. В. Химичева, А. В. Андреев // *Вестник экономической безопасности*. – 2021. – № 2. – С. 240–243. doi: 10.24412/2414-3995-2021-2-240-243
9. Химичева, О. В. Обязанности как элемент содержания уголовно-процессуальных отношений в контексте обеспечения надлежащего их исполнения участниками уголовного судопроизводства / О. В. Химичева, О. В. Мичурина, И. Б. Тутынин // *Криминологический журнал*. – 2025. – № 1. – С. 160–167.
10. Химичева, О. В. Правовая природа согласия в уголовном судопроизводстве и подходы к ее осмыслению / О. В. Химичева, О. В. Мичурина, И. Б. Тутынин // *Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова*. – 2025. – № 2(103). – С. 327–334.

References

1. Andreyev A.V., Tetkin D.V. [Procedural order of specialist participation in the seizure and copying of information from electronic media], *Pravo: istoriya i sovremennost'* [Law: History and Modernity], 2025, vol. 9, no. 4, pp. 513-521. doi: 10.17277/pravo.2025.04.pp.513-521 (In Russ., abstract in Eng.)
2. Bobrov V.K., Alontsev Ye.Yu., Andreyev A.V. [Electronic information carrier in criminal proceedings: concept and classification], *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti* [Bulletin of Economic Security], 2024, no. 4, pp. 25-30. doi: 10.24412/2414-3995-2024-4-25-30 (In Russ., abstract in Eng.)
3. Endol'tseva A.V., Grigor'yeva N.V. [Main trends in the development of general provisions of modern criminal procedural legislation of the Russian Federation], *Vestnik Ufmskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2025, no. 1(107), pp. 91-98. (In Russ., abstract in Eng.)
4. Lifanova L.G. *Zashchita prav i svobod cheloveka i grazhdanina kak prioritnoye napravleniye gosudarstvennoy politiki: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Protection of human and civil rights and freedoms as a priority area of state policy: materials of the All-Russian scientific and practical conference], 15-16 September, 2022, Petrozavodsk, Petrozavodsk, 2022, pp. 22-28. (In Russ.)
5. Terekhov M.Yu., Grigor'yev I.B. *Aktual'nyye problemy teorii i praktiki ugolovnoho protsesssa: sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Current Issues in the Theory and Practice of Criminal Procedure: Collection of Materials from the International Scientific and Practical Conference], 14 November, 2019, Rostov-na-Donu, Ros-tov-na-Donu, 2019, pp. 241-246. (In Russ.)
6. Tetkin D.V., Pudovkin A.A., Likhokina A.V. [Problems of Counteracting Crimes Committed Using Deepfake Technologies], *Pravo: istoriya i sovremennost'* [Law: History and Modernity], 2025, vol. 9, no. 2, pp. 238-246. doi: 10.17277/pravo.2025.02.pp.238-246 (In Russ., abstract in Eng.)
7. Fedorovich V.Yu., Khimicheva O.V., Andreyev A.V. [Implementation of IT and AI technologies as promising areas for the development of modern criminal proceedings], *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2021, no. 2, pp. 205-210. doi: 10.24412/2073-0454-2021-2-205-210 (In Russ., abstract in Eng.)
8. Khimicheva O.V., Andreyev A.V. [Some Comments on the Principles of Using Artificial Intelligence Technologies in Criminal Proceedings in Russia], *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti* [Bulletin of Economic Security], 2021, no. 2, pp. 240-243. doi: 10.24412/2414-3995-2021-2-240-243 (In Russ., abstract in Eng.)
9. Khimicheva O.V., Michurina O.V., Tutynin I.B. [Duties as an Element of the Content of Criminal-Procedural Relations in the Context of Ensuring Their Proper Performance by Participants in Criminal Proceedings], *Kriminologicheskii zhurnal* [Criminological Journal], 2025, no. 1, pp. 160-167. (In Russ., abstract in Eng.)
10. Khimicheva O.V., Michurina O.V., Tutynin I.B. [Legal nature of consent in criminal proceedings and approaches to its understanding], *Nauchnyy vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova* [Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov], 2025, no. 2(103), pp. 327-334. (In Russ., abstract in Eng.)

Changes in Criminal Procedure Legislation in the Light of the State's Criminal Policy Reforms

L. G. Lifanova, *Cand. Sci. (Law), Associate Professor,
Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics,
Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, Stavropol, Russia; laliy@mail.ru*

D. V. Tetkin, *Cand. Sci. (Law), Police Colonel, Associate Professor,
Department of Criminal Procedure,
Ryazan Branch of Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia, Ryazan, Russia; tyotkinden@mail.ru*

The current criminal procedure legislation of the Russian Federation is in a state of constant transformation due to profound social, economic, and political changes both domestically and internationally. The accelerating digitalization of society, the increasing complexity of criminal activities, particularly in the areas of cybercrime and economic offenses, and the new challenges posed by geopolitical instability and military conflicts require an adequate legal response. In these circumstances, the reform of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is not just a technical task, but a strategic necessity aimed at ensuring the fairness, efficiency, and humanism of criminal proceedings.

The article analyzes the key trends and specific changes introduced into the legislation of criminal procedure, focusing on their goals, legal consequences, and compliance with modern challenges. Special attention is given to the evolution of general principles of criminal proceedings, the modernization of procedural coercion measures, and the expansion of the rights of participants in criminal proceedings.

Keywords: criminal proceedings; criminal law policy; principle of criminal proceedings; coercive measures; digitalization of criminal proceedings.

© Л. Г. Лифанова, 2026

© Д. В. Теткин, 2026

Статья поступила в редакцию 01.02.2026

При цитировании использовать:

Лифанова Л. Г., Теткин Д. В. Изменения норм уголовно-процессуального законодательства в свете проводимых реформ уголовно-правовой политики государства // Право: история и современность. – 2026. – Т. 10, № 3. – С. 392 – 402. doi: 10.17277/pravo.2026.03.pp.392-402